

Афин, хотя Фессалоники, Патрас и Коринф давали им для этого больше возможности. В Коринфе в 1280—1281 годах, верно и позже, был архиепископом ученый доминиканец Вильгельм Мербеке; здесь он усовершенствовался в греческом языке и переводил произведения Гиппократы и Галена, Аристотеля и Прокла на латинский.

Для Афин было еще очень далеко то время, когда французские капудины, начав с памятника Лизикрата, положили основание топографическому изучению этого города. Можно, однако, утверждать, что вместе с греческим языком там жили элементы античной образованности. Можно предполагать, что кое-кто из афинских герцогов, воспитанных в Греции, имел в своей библиотеке вместе с французскими и греческие книги. Отмеченная нами фраза из Геродота в устах Гвидо II бросает некоторый свет на занятия этого герцога классической литературой. Но, конечно, даже самый любящий чтение ла Рош черпал духовную пищу преимущественно из romans, contes и chansons de geste.

Франкские завоеватели принесли в Элладу свое родное искусство слагать песни. От многих из этих героев-рыцарей, от Готфрида Вильгардуена, Конона де Бетюн, Роберта Блуасского, Гуго Сен-Кентэнского, остались песни. Уже маркграфа монферратского сопровождал выдающийся трубадур, и при всех дворах и резиденциях франков были менестрели. По поводу переговоров герцога Гвидо II Афинского с Теобальдом де Сепуа было отмечено присутствие их при дворе первого. Литература трубадуров, рыцарские поэмы Роберта Васа, Кретьена де Труа, троянская поэма Бенуа де С. Мора, сказочные сюжеты Александриды, Тесеиды и Фибаиды были и в Греции развлечением французских рыцарей. Нет, однако, никаких указаний на то, чтобы эта французская поэзия нашла в земле эллинов новое поприще развития, как было в саксонской Англии, которая после завоевания ее норманнами была в продолжение долгого времени убежищем и творческим очагом старофранцузской поэзии.